

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2, 821.163.41

А. Г. Бодрова

**ЖЕНСКИЙ ИНДИЙСКИЙ ТЕКСТ В ЕГО НЕМЕЦКОМ
И СЕРБСКОМ ИЗВОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ТРАВЕЛОГОВ АЛЬМЫ КАРЛИН
И ЕЛЕНА ДИМИТРИЕВИЧ)**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9

Статья посвящена травелогам немецкоязычной писательницы словенского происхождения Альмы Максимилианы Карлин и сербской писательницы Елены Димитриевиц, которые в 1927 г. побывали в колониальной Индии. Обе они имели югославское гражданство. Анализ носит компаративистский характер, особое внимание уделяется гендерной и национальной проблематике. «Под чарами Южного моря» (1930) Карлин и «Письма из Индии» (1928) Димитриевиц обнаруживают сходство в том, что их авторы одинаково проявляют интерес к быту и традициям. Однако Димитриевиц связывает Индию с фигурами Ганди и Тагора, борцов за независимость страны, и проводит параллель с освобождением своей родной Сербии. Карлин более пристальное внимание уделяет местным религиозным обрядам; в ее сочинении чувствуется заинтересованность исследователя, при этом, особенно на фоне сочинения Димитриевиц, очевиден ее колониальный взгляд на другую страну. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: травелог, гендер, национальная идентичность, компаративистика.

**INDIAN TEXT WRITTEN BY WOMEN IN ITS GERMAN AND SERBIAN VERSIONS
(ON THE BASIS OF ALMA KARLIN'S AND JELENA DIMITRIJEVIĆ'S TRAVELOGUES)**

A. G. Bodrova

Saint Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is about travelogues of the Serbian writer Jelena Dimitrijević and the author of Slovene origin Alma Maximiliane Karlin. As citizens of Yugoslavia, both authors visited the colonial India in 1927. The analysis is essentially comparative in nature with a specific focus on gender and national problems. The travelogues *The Spell of the South Sea* (1930) by A. Karlin and *Letters from India* are similar thematically and united by their interest in everyday life and traditions. But Dimitrijević associates India with personalities like Gandhi and Tagore, who were fighters for independence of the country, and draws a parallel between the liberation of her motherland Serbia, while Karlin gives more attention to local religious customs, her work displays interest of a scientist, yet her colonial view of the other country is evident, especially compared to Dimitrijević's one. Refs 9.

Keywords: travelogue, gender, national identity, comparative studies.

Как явствует из названия, статья носит компаративистский характер. В ней сравниваются травелоги немецкоязычной писательницы словенского происхождения Альмы Максимилианы Карлин (Alma Maximiliana Karlin, 1889–1950) и сербской писательницы Елены Димитриевич (Јелена Димитријевић, 1862–1945).

Правомерность этого компаративистского анализа обусловлена малоизученностью югославских женских травелогов. Сравнительный анализ поможет выявить общие черты текстов о путешествиях, написанных авторами, принадлежавшими к различным культурным традициям. Такое исследование будет способствовать осмыслению рассматриваемой жанровой парадигмы, изучение которой в отечественной науке пока находится в зачаточном состоянии.

Поводом для сравнения послужили сходство темы — колониальная Индия 1927 года, гендерная принадлежность и гражданство авторов. Родившись в разных государствах (Димитриевич — в княжестве Сербия, Карлин — в Австро-Венгрии), обе писательницы в силу исторических обстоятельств оказались гражданками одной и той же страны — Королевства сербов, хорватов и словенцев (позднее Югославии). В их биографиях можно найти много общего. Обе проявляли интерес к другим цивилизациям, культурам, странам. А. Карлин и Е. Димитриевич путешествовали приблизительно в одно и то же время и, что примечательно, без сопровождения — это было довольно необычно для женщин той эпохи. Маршруты писательниц отличаются; количество стран, в которых они побывали, достойно восхищения.

Альма Карлин путешествовала без перерыва 8 лет (1919–1927), посетив многие страны Южной и Северной Америки, Японию, Китай, Австралию, острова Тихого океана (Новую Зеландию, Новую Гвинею, Каролинские острова и многие другие)¹. Елена Димитриевич несколько раз ездила в Америку (в 1920 и 1927 гг.), побывала в Греции, Палестине, Сирии, Ливане, Китае, Японии, Египте. В творчестве этих авторов травелоги занимают значительное место. Своему кругосветному путешествию Карлин посвящает книги «Одинокое путешествие» (Einsame Weltreise, 1929) и «Под чарами Южного моря» (Im Banne der Südsee, 1930). Димитриевич пишет травелоги «Письма из Индии» (Писма из Индије, 1928), «Семь морей и три океана» (Седам мора и три океана, 1940), «Новый свет, или год в Америке» (Нови свет, или у Америци годину дана, 1934) и др.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже год посещения Индии Карлин и Димитриевич совпадает — 1927. Примечательно также, что индийские впечатления обеих писательниц были опубликованы с небольшим временным промежутком: «Письма из Индии» Димитриевич вышли в 1928 г., а индийские путевые заметки Карлин были напечатаны в 1930 г., в ее книге «Под чарами Южного моря». Поэтому правомерен вопрос о сходстве и различии в восприятии другой страны двумя югославскими авторами.

К моменту посещения Индии обеих писательниц — 65-летнюю Димитриевич и 38-летнюю Карлин — можно было назвать опытными путешественницами. Димитриевич прибывает в Бомбей (ныне Мумбаи) из Египта, а затем пересекает страну с запада на восток. По словам самой писательницы, она посетила в Индии «все, что для ее детей является святыней» [Димитријевић, с. 3]. Следует сказать, что в то вре-

¹ Биография А. Карлин подробно изложена в монографии Б. Трновец — см. [Trnovec].

мя Индия была британской колонией, территория которой охватывала современные Индию, Пакистан, Бангладеш, Бирму (Мьянму). Дмитриевич упоминает Гималаи, Бенарес (Варанаси), а также свое пребывание в Калькутте и Мадрасе (Ченнаи). Карлин знакомится с колониальной Индией, двигаясь с востока на запад. Для нее Индия является заключительной частью кругосветного путешествия — из Карачи (ныне портовый город на юге Пакистана) начинается ее возвращение домой.

Обе писательницы в основном с симпатией пишут об Индии. Карлин, например, даже хотела бы остаться жить в этой стране. В Карачи ее настигает слава, она выступает с лекциями, рассказывая о своих путешествиях, у нее появляется возможность трудоустройства. Тем не менее, уступая просьбам больной матери, она возвращается домой, в родной город Целле. Что касается Дмитриевич, то она сообщает читателям, что чувствует себя так, словно когда-то уже жила в Индии. Несколько раз она обращается к стране со словами «мать Индия!», а в Шантиникетане (Западная Бенгалия) ей кажется, что она находится где-то в сербской деревне.

В травелогах Дмитриевич и Карлин очевидно сходство в выборе тем. Обе писательницы детально изображают внешность местных жителей (цвет кожи, одежду, украшения и пр.). Правда, Карлин описывает индийцев с большей иронией. Например, когда она поездом едет в Дели, в ее купе входят четыре мусульманки в паранджах. Как только, оказавшись в закрытом женском купе, они открывают свои лица, Карлин поражает, насколько эти женщины некрасивы: «Я подумала, что их добродетель была бы в большей сохранности, если бы они показали лица» [Karlin, с. 324]. В другом месте Карлин высмеивает количество украшений на индийских женщинах, недоумевая, как они вообще могут передвигаться! Дмитриевич тоже подробно описывает одежду местных жителей, ее экзотичный покрой и цвета; она часто упоминает, что люди ходят босиком. Из окна поезда она видит индийских женщин в повозках (тонгах) и заявляет, что было непонятно, женщины или упряжки более украшены [Димитријевић, с. 17]. Примечательно, что обе писательницы довольно подробно останавливаются и на своем внешнем облике. Карлин говорит о своей потемневшей коже, о вещах, которые она купила или ей подарили. Дмитриевич рассказывает, какую одежду она купила в Бомбее (упоминает головной убор «топи», белое платье и солнечные очки). Большое внимание писательницы уделяют и национальной кухне. Обе используют слово *чота-хазри* [Димитријевић, с. 13]) или *чота-хазари* [Karlin, с. 332]), означающее ‘завтрак’. Во всех деталях обе путешественницы описывают интерьеры индийских жилищ.

Живой интерес у Дмитриевич и Карлин вызывает женский вопрос. И та и другая пишут о положении вдов в Индии (им нельзя было выходить повторно замуж, они маргинализировались обществом). В одной из рубрик своего текста (под названием «Женщины вообще») Карлин размышляет о покорности женщин Востока и отмечает, что для них служение мужу — отнюдь не то же самое, что для европейек. Она вступает в полемику с писательницей Майо², оспаривая мнение последней, что все индийские женщины несчастны: «Большинство женщин, с которыми я говорила, не хотели бы поменяться со мной» [Karlin, с. 308]. Ведь это, по словам Карлин, означало бы заботиться о себе самостоятельно, зарабатывать на жизнь

² По всей видимости, имеется в виду американская писательница Кэтрин Майо, критиковавшая в том числе и положение женщин в Индии.

[Karlin, с. 309]. Адресатом путевых заметок обеих писательниц являются в первую очередь женщины. «Может быть вам покажется, что в этих двух письмах из Индии, адресованных вам, девушкам, студенткам, слишком много подробностей...», — пишет Димитриевич [Димитријевић, с. 31]. Карлин, подводя итоги предпринятого ею путешествия, заявляет, что ее цель — рассказать представительницам своего пола, к чему может привести такой серьезный шаг [Karlin, с. 357].

Вышеперечисленные темы — детали быта, жилище, одежда, еда, дети, статус женщины, взаимоотношения полов — исследователи травелогов называют «женскими». По мнению австрийской исследовательницы Г. Хабингер [Habinger, с. 195], данные темы имели двойственный характер — ограничительный и расширительный. С одной стороны, женщины, которым общество отводило пространство дома, были вынуждены описывать хорошо знакомые им области и старались не вторгаться на чужую территорию. С другой стороны, они имели возможность подчеркнуть свою женскую компетентность, так называемый «женский взгляд».

Обе писательницы обращаются и к местным обычаям; так, они затрагивают тему осквернения. Карлин пишет, что местный житель (мусульманин) во время ужасной жары предложил ей воды, за что она была ему очень благодарна, так как знала, что если «неверная», каковой она является, прикоснется к посуде, ее нельзя будет использовать, поэтому он ее разбил. Димитриевич рассказывает, что она перестала подавать руку индийцам — ведь после рукопожатия «неверной» они становились нечистыми.

Обе писательницы с большим уважением относятся к буддизму и индуизму. Индия с ее древнейшей культурой привлекала многих философов, писателей и художников первой половины XX в. В то время она уже стала местом туристического паломничества, так что обеим писательницам приходилось учитывать существующий индийский текст. По этой причине Димитриевич не останавливается подробно на всемирно известных к тому времени индийских святынях, а только упоминает о них, а Карлин заявляет: «Моей целью не является описывать бесчисленные храмы и храмики... потому что это заняло бы толстую книгу и потому что лучше меня это уже сделали другие...» [Karlin, с. 315]. Последняя, говоря о Дели, отмечает: «Наиболее интересными являются магазинчики, в которых работают и в которых — жизнь. А описание известных строений есть в каждом справочнике» [Karlin, с. 325].

Обеих путешественниц привлекают аутентичные, а не европеизированные городские кварталы. Димитриевич упоминает, что особенно любит те части Калькутты, где нет ничего английского, кроме левостороннего движения [Димитријевић, с. 4–5].

Стоит также сказать о литературоцентричности травелогов обеих писательниц. Димитриевич считает, что ее встреча с Рабиндранатом Тагором в основанном им поселке Шантиникетане по значимости и силе воздействия может сравниться с посещением Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. У Карлин река Агра вызывает ассоциации с романом «Знак четырех» (1890) Артура Конан Дойла [Karlin, с. 322], она цитирует Редьярда Киплинга, доктора Сэмюэля Джонсона [Karlin, с. 285] и других писателей.

Вместе с тем травелогисты Карлин и Димитриевич обнаруживают столь существенные различия, что может даже возникнуть сомнение, описывают ли путе-

шественницы одну и ту же страну, увиденную ими в одном и том же году. Безусловно, специфику травелога определяет позиция путешественника. Дмитриевич осознает себя представительницей сербской нации; она сопоставляет индийский и сербский народ, проводит параллель между борьбой Индии за независимость и освобождением родной Сербии. К примеру, именно своей национальностью она объясняет тот факт, что ее принял Р. Тагор: «Потому что большой Индии импонирует маленькая Сербия и ее берут как образец для осуществления своих идеалов» [Димитријевић, с. 12]. Не случайно бенгальский язык по звучанию напоминает Дмитриевич речь македонцев, которую она относит к «нашему языку» [Димитријевић, с. 22]. Сербская писательница оказывается в курсе политических проблем Индии. По ее мнению, огромное значение имеет деятельность Тагора и Ганди, борцов за независимость страны. Значительная часть текста Дмитриевич посвящена знакомству с индийским поэтом. В нем приводится любопытный разговор приверженца Ганди и почитателя Тагора, услышанный в зале ожидания на вокзале. В ходе их диалога выясняется различие позиций этих великих индийских деятелей (у Ганди более неприязненное отношение к британским властям). По словам одного из собеседников, деятельность обоих необычайно важна: если Ганди «прядет основу для свободной Индии», то уток соткет Тагор [Димитријевић, с. 16]. Дмитриевич считает, что в Индии существует культ Тагора, поскольку многие называют его просто «Поэт», подобно тому как, по словам путешественницы, «турецкие фанатики не упоминают имя Мухаммеда» [Димитријевић, с. 15]. Повествовательница с большой симпатией отзывалась о представителях местного населения. Неоднократно она описывает свои знакомства с прекрасно говорящими по-английски индийцами, у которых умные и красивые лица [Димитријевић, с. 8, 9 и др.].

Специфику травелога³ Карлин, бывшей гражданки Австро-Венгрии, во многом определяет гибридная национальная принадлежность. Именно в Индии она осознает, что у нее, немецкоязычной писательницы из словенского города Целье, путешествующей с паспортом Югославии, нет родины, так как ни немцы (речь идет о немецком консуле в Калькутте), ни словенцы (или шире югославы) не признают ее «своей». Карлин, прожившая в юности четыре года в Лондоне, с симпатией относится к англичанам. В «Британской Индии» [Karlin, с. 323] она чувствует себя в большей безопасности, чем в других колониях (в данном случае она сравнивает Индию с Явой, голландской колонией). Можно сказать, что ей ближе позиция колонизатора⁴.

По сравнению с Дмитриевич, она уделяет более пристальное внимание этнографическому описанию страны, местным религиозным обрядам, суевериям. В ее сочинении чувствуется заинтересованность исследователя, при этом, особенно на фоне Дмитриевич, очевиден ее колониальный взгляд на жителей страны. Карлин детально описывает их внешность, говорит об их ремеслах, традициях, упоминает о знакомстве со многими индийцами, однако она не передает ни одного разговора с ними. Можно сказать, что она лишает колониальный народ «права голоса».

³ Более подробно об этом см. [Бодрова].

⁴ Колониальной проблематике травелога в контексте теории «ориентализма» Э. Саида посвящена статья словенского исследователя К.-Я. Козака. Проблему колониализма рассматривает также А. Эткинд.

Димитриевич же, напротив, с большим уважением относится ко всему, что говорят индийцы. На пути сербской писательницы встречаются умные, образованные люди. Например, она описывает знакомство в поезде с двумя профессорами университета. Ей удалось с ними познакомиться, так как она путешествовала в дневное время (ночью женщины в Индии ездили в «женских купе»). О такой системе Димитриевич отзывается с одобрением: «Нигде больше нет поездки более приятной для одинокой путешественницы, чем по Индии» [Димитријевић, с. 16]. Карлин, напротив, даже путешествуя в «женских» купе, страдает от близости представительниц другой расы; ее раздражает то, что они постоянно едят, запахи, шум. Рассуждая о несовместимости рас, она цитирует строки из баллады Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток» [Karlin, с. 324]. Интересно, что она не упоминает ни Тагора, ни Ганди и вообще не интересуется национальной политикой. Киплинг же появляется в ее индийском тексте неоднократно. Так, оказавшись в Лахоре, она утверждает, что это его родина (на самом деле Киплинг родился в Бомбее). Именно его ностальгическое стихотворение «По дороге в Мандалай» (1892), которое представляет собой воспоминания британского солдата, воевавшего в Бирме, вдохновляет ее на посещение этого места, славящегося большим количеством храмов и пагод. Примечательно, что в этом случае Карлин, которая неоднократно заявляла о своем пацифизме, не смущает фигура солдата-завоевателя.

Вслед за Киплингом, «бардом английского империализма», Карлин встает на сторону колонизаторов. В работе, посвященной женским травелогам XIX — начала XX в., Г. Хабингер пишет о «фиктивной мужественности» в колониальном контексте и приводит пример Карлин, для которой принадлежность к слабому полу компенсируется ее белой — «высшей» — расой [Habinger, с. 100]. В травелогах Карлин соотносит себя с героическими фигурами (чаще всего с Колумбом), в ее индийском тексте упоминается и Александр Македонский. Путевые заметки Карлин в высшей степени автобиографичны, вместе с тем в них она конструирует образ автора, возводя его к мифу о герое. Целью ее путешествия становится преодоление трудностей, которое переводится на уровень телесности. Карлин очень подробно описывает болезни со всеми их симптомами — в то время многие в Индии умирали от холеры. Но конечно, саму Карлин болезни не пугают она только постоянно рассказывает страшные истории читателям, подчеркивая собственное удивительное, особенно для женщины, бесстрашие. Так, заболев малярией, с высокой температурой она продолжает свое путешествие. Ее стремление увидеть как можно больше городов, достопримечательностей превращается в навязчивую идею. Однако несмотря на интересные детали и жуткие подробности, повествование оказывается довольно монотонным. Правомерно, опираясь, в частности, на работу Юлии Кристевой «Черное солнце» [Кристева], соотнести травелоги Карлин с меланхолическим дискурсом — что требует, конечно, отдельного исследования. Также можно говорить о нарциссическом характере самосознания Карлин, являющемся структурообразующим компонентом ее текстов. Писательница выстраивает свою биографию на фоне экзотических стран, причем их обитатели выгодно оттеняют ее героический статус. Гибридная идентичность Карлин проявилась и в ее индийском тексте, в котором прослеживаются две линии, — их условно можно назвать «женской» и «сверхмаскулинной». Гибридность при этом дестабилизирует структуру текста, несет в себе субверсивные импульсы.

Травелог Елены Димитриевич обнаруживает на первый взгляд меньше противоречий. Она, женщина-писательница (т. е. априори, в соответствии с гендерной теорией, находящаяся в инфериорной позиции), встает на сторону «угнетенных», соотносит и себя, и свой народ с индийцами. Представителям данной «недоминантной» группы (колонизованному населению Индии) повествовательница дает «право голоса». Однако и в тексте Димитриевич обнаруживается гибридность: для нее представления об аутентичности автохтонного населения, жестких границах между странами и народами остались в прошлом. Подтверждением этого является использование английского языка — повествовательница постоянно подчеркивает, что общение происходит по-английски, в тексте встречаются английские выражения: «O Lady! don't tell for nothing» или «You are right!» [Димитријевић, с. 18]). И индийцы, и повествовательница-сербка, прибегая к третьему, неродному, языку, обнаруживают включенность в процессы интеграции, в том числе европейской. Знаком этой интеграции является деятельность самих писательниц Альмы Карлин и Елены Димитриевич, осмелившихся в одиночестве отправиться в кругосветное путешествие.

Подводя итоги сравнительного анализа, можно сделать следующие выводы: в текстах Карлин и Димитриевич присутствует много общего. В первую очередь это тематическое сходство (интерес к быту, традициям, религии, к женскому вопросу). Обе писательницы подчеркивают гендерную специфику своего взгляда на реалии другой страны. Оба травелога отличают литературоцентризм и ирония. В то же время исследуемые тексты обнаруживают существенные различия, обусловленные отчасти национальными культурными традициями, с которыми связаны авторы. Димитриевич с сочувствием и уважением относится к борьбе за независимость индийского народа, интересуется политикой, что во многом связано с ситуацией в ее родной Сербии. В травелоге Карлин очевидна заинтересованность ученого-этнографа и в то же время ярче, по сравнению с текстом Димитриевич, выражен колониальный взгляд на другую страну.

Литература

- Бодрова А. Г. «Одинокие путешествия» Альмы Карлин. Проблема гибридности культурного контекста // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Спецвыпуск 6. Москва; Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 211–218.
- Димитријевић Ј. Писма из Индије. Београд: Библиотека народног универзитета у Београду, 1928. 31 с.
- Козак К.-Я. Ориенталистический взгляд на Россию в словенской путевой литературе // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 192–217.
- Кристева Ю. Черное солнце: депрессия и меланхолия. М.: Когито-Центр, 2010. 276 с.
- Саид Э. В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // НЛЮ. № 59 (2003). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/etk.html> (дата обращения: 10.04.2014).
- Habinger G. Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Wien: Promedia, 2006. 399 S.
- Karlin A. M. Im Banne der Südsee. Minden in Westfalen; Berlin; Leipzig: Wilhelm Köhler Verlag, 1930. 381 S.
- Trnovec B. Kolumbova hči: življenje in delo Alme M. Karlin. Celje: Pokrajinski muzej, 2011. 64 s.

References

- Bodrova A. G. [‘The Odyssey of a Lonely Woman’ by Alma Karlin. Hybridity of cultural context]. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik rossiiskogo soiuzu germanistov* [Russian German Studies. Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Spetsvyypusk 6. Moscow, Načhik, Kab.-Balk. un-t Publ., 2013, pp. 211–218. (In Russian)
- Dimitrijevič J. *Pisma iz Indije* [Letters from India]. Beograd, Biblioteka narodnog univerziteta u Beogradu, 1928. 31 p. (in Serbian)
- Kozak K.-Ia. [Oriental view on Russia in the Slovenian travel literature]. *Rossii i russkii chelovek v vospriiatii slavianskikh narodov* [Russia and Russians from the Slavonic perspective]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino, 2014, pp. 192–217. (In Russian)
- Kristeva Iu. *Chernoe solntse: Depressiia i melankholiia* [Black sun: depression and melancholy]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2010. 276 p. (In Russian)
- Said E. V. *Orientalizm: zapadnye kontseptsii Vostoka* [Oriental studies: Western concepts of the East]. St. Petersburg, Russkii mir Publ., 2006. 636 p. (In Russian)
- Etkind A. *Russkaia literatura, XIX vek: Roman vnutrennei kolonizatsii* [Russian literature, XIX century: A novel of the inner colonisation]. *NLO*, no. 59 (2003). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/etk.html> (accessed: 10.04.2014). (In Russian)
- Habinger G. *Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert*. Wien, Promedia, 2006. 399 p.
- Karlin A. M. *Im Banne der Südsee*. Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig, Wilhelm Köhler Verlag, 1930. 381 p.
- Trnovec B. *Kolumbova hči: življenje in delo Alme M. Karlin*. Celje, Pokrajinski muzej, 2011. 64 p.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Бодрова Анна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент; bodran@mail.ru
Bodrova Anna G. — PhD, Associate Professor; bodran@mail.ru